

Юрий БОНДАРЕВ

С Л Ю Б О В Ь Ю И Б О Л Ь Ю

Книги Юрия Бондарева касаются самых животрепещущих проблем времени. Каждое слово в них пронизано писательской болью за человека, за его жизнь и дела, за его Прошлое, Настоящее и Будущее. Наш корреспондент Николай Добруха встретился с писателем и попросил его ответить на ряд вопросов, связанных с сегодняшним состоянием литературы и критики, с тем, как идет перестройка в нашей литературе, какова роль писателя в сегодняшней жизни. Мы публикуем ответы Юрия Васильевича Бондарева на эти и другие вопросы.

Когда меня спрашивают: «Какой вопрос ныне волнует вас больше всего?» — я всякий раз задумываюсь и все-таки отвечаю одно: «Литература и критика».

Конечно, я бы мог сказать, что меня больше всего беспокоит состояние современного мира, судьба экономики в начавшейся эре перестройки, и все вопросы, связанные с экологией. Но я писатель, поэтому я живу литературой, которая неотделима от глобальных и неглобальных проблем. Каким является сегодня наше искусство, каким оно будет завтра? — это вопросы судьбы каждого из нас, кто чтит прошлое в нашей культуре и живет надеждой.

Думая о судьбе литературы, об этой сложной человеческой деятельности в новом времени, я задаю себе вопрос: что значит перестроиться серьезному писателю? По-видимому, это — духовная переналадка, изменение системы мышления. А еще вернее — переустройство его сознания, души, таланта, духовного опыта, что сделать почти невозможно, если даже есть нечто, близкое императиву, что требует это сделать. Книги писателя — это его «я», выстраданное и воплощенное в слове. И коли этого своего «я» не было до нового времени, если писатель не являл собою личность со своим внутренним миром и своей болью, то он и не имел права называться писателем.

Да, интересна в литературе только индивидуальность, которую можно определить как личность. То есть это человек с резко выраженной особенностью выявлять истину, всегда исповедуя, защищая и утверждая ее. Он предан вечному богу — правде. И призван он посредством слова раскрывать человеческую тайну, тайну бытия, сущность человеческой жизни, ее несовершенство.

Серьезный писатель — это призвание на всю жизнь, постоянное критическое отношение к себе и постоянный поиск, где царствует неудовлетворенность собой. Так может ли он перестроиться так, как, например, можно перестроить завод? Тем не менее происходящие в стране изменения, касающиеся судьбы мира, захватывают и писателя, и он, в свою очередь, критической мыслью может и должен оказывать влияние на происходящие процессы, еще обостреннее, еще ответственнее отнестись прежде всего к самому себе. Если бы я сказал, что теперь писатель начнет, наконец, говорить правду — это было бы, простите, глупостью. «Правду» начнут говорить приспособленцы и лжецы. Серьезный писатель во все времена обязан быть вместе с правдой и писать правду, искать истину и защищать всей своей работой справедливость. Именно вопрос о правде поставил в центр внимания XXVII съезд партии.

В связи с этим не только я думаю сейчас о той части печатной и устной критики, которая под знаменами демократии и гласности отказалась полностью от конструктивных начал. Рыцари совсем уж неслучайных разрушений в литературе, театре и кинематографе, еще вчера скромно молчавшие или скромно уходящие от самых насущных больных вопросов, сегодня, со смелостью организованной безнаказанности превращая критику в моду черного цвета и никем не сдерживаемые в неистовстве сведения счетов, честолюбия и самоутверждения, устроили некую вольницу суждений — создание репутаций новых гениев и низвержение ценностей, травлю талантов, приведшую в иных случаях к печальному исходу. Происходит не очищение, а духовное загрязнение — для утверждения нервных самолюбий, мелких выгод, а не для развития нравственной жизни общества. Аксиома: критика — категория созидательная. Более того, в народе говорят: разрушать — не строить. Силой зла можно прервать красную дверь, построенный не в один год, превратить в груды кирпичей, в смрадные руины, облитые желчью. Новым рыцарям разрушения, право же, стоит помнить простую формулу: чти историческое прошлое, презирай страх, не делай зла, совершеннейшей мужество. Им стоит поучиться у тех своих коллег, которые поняли перестройку как средство обновления нашей жизни.

В нынешней критике господствует своеволие без разумной осмысленности, в то время как на критику ложится особая ответственность, возможно, даже сверхответственность. Я говорю это потому, что критически оценивать сегодня необходимо многое, однако надо уметь правильно оценивать и хорошо знать то, что критикуешь. Надо учиться критиковать, ибо нам часто не хватает культуры в оценке явлений жизни и явлений искусства. В условиях перестройки, демократизации критика должна быть пронизана социалистической моралью, она всегда должна быть партийной, основанной на правде.

Оценивая прошлое и настоящее, надо понимать, что действительно новым является лишь то, что продолжает великие традиции, ибо дерево растет в высоту, но оно не может расти, оторвавшись от своих корней, от земли. Новое — это не колдовская энергия, рождаемая из пустоты. Все имеет свои истоки и начала. В противном случае критик окажется в положении тех «революционеров», кто уже кричал однажды: «Долой Пушкина с корабля современности!», но был в конце концов сам отвергнут жизнью. Ясно же, что

не все новое — талантливо. Это особенно разительно подтверждает наша современная архитектура: разрушая так называемое старое, бесценные памятники зодчества, она предложила бесстилевой стиль унылых коробок новозарменного типа или безликий стиль стекла и бетона, заимствованный в самой западной стране — Америке за неимением, видимо, собственных идей. Кого сейчас поразит коллаж или абстрактными картинками? Кого удивит расхристанной прозой, которая невинно развращала читательский вкус в 20-е годы? Но странно: то, что уже отжило и брошено много лет назад, некоторые индивиды поднимают, как знамя, и, размахивая этим знаменем, надрываются криком: «Долой традиции! Мы — новаторы! Все прошлое — долой!»

Использовать гласность, демократизацию нашей жизни таким образом, в собственных целях — это значит быть в закрытой контрпозиции к перестройке и основательно вредить ей.

То истинно новое, что возникает сейчас, есть пока еще обещание весны искусства. Весна — это прекрасная пора оживления. Сиреневые дни. Серебристое весеннее солнце. И зеленые молодые листья. Однако соки, необходимые для жизни этой свежей листвы, поднимаются из земли, от корней дерева, а именно — от единого ствола искусства, от его традиций. Непреложная и давно известная истина в том, что только развитие традиций и есть новое, что рождает непреходящую ценность.

К примеру, совершенный и современный стиль Бунина, Шолохова, Леонова, Булгакова, первоклассных мастеров формы и апостолов литературного языка, не мог возникнуть без совершенно иного стиля Пушкина, Карамзина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Достоевского, так же, как современная музыка не могла родиться без вселенного колдовства Баха, Бетховена, Чайковского, Мусоргского, так же, как современная живопись (включая многие «измы») — без Брейгеля, Босха, титанов Возрождения, французских и русских импрессионистов, без реалистической мощи Иванова, Сурикова, Нестерова. Отказ от истоков и традиций — это та самонадеянная невежественность, от чего надо было бы избавиться еще в начале века. К сожалению и печали, многие уроки прошлого ничему не научили гениев герастратовского толка. Эта властолюбивая самонадеянность периодически возникает, часто преобразуясь в одержимую тенденциозность разрушителей культуры, внушающих простакам один принцип: «Для будущего не имеет никакого значения, кто был твоей матерью!» Однако, какой бы ни была твоя мать, она родила тебя, а не электронная машина, и родственная частица матери всегда — в тебе. Поэтому сейчас, когда мы говорим о перестройке, как о своеобразной революции, и прежде всего как о революции в сознании человека, мы не имеем права предавать созданные ценности и не понимать, что действительно является новым, а не разрушительной подделкой под новое, выставленное демагогическим лукавством.

Было бы ошибочным и легкомысленным, совершив какой-либо прогрессивный шаг вперед в экономике, социальной жизни или в искусстве, оглядываться на Запад и искательно ждать, что там о нас скажут и подумают. В ожидании иностранной похвалы или хулы мы не делаем ничего толкового. Когда слишком нервно мы обращаем внимание на то, что говорят о нас на Западе, мы унижаем самих себя, теряем достоинство и самоуважение. Это в прошлом вредило нам, поэтому пора и здесь внести поправку здравого смысла и не повторять былых ошибок. Мы сами достаточно разумны и опыты, чтобы делать о себе правильные выводы.

Государство, как и человек, имеющий и последовательно отстаивающий свою точку зрения, вызывает уважение, если даже противоположная сторона по своему социальному положению придерживается иных взглядов. Играть в подстройку под чужое мнение, желать понравиться кому-нибудь — значит не уважать себя. Ведь нельзя перестройку превращать в подстройку под Запад. Новое дело трудно преобразования начинается ради нас, а если подстраиваться под чьи-либо посторонние установления, оно может закончиться — ради них. История помнит — одобрения Запада в отношении наших внутренних дел часто имели фальшивое, дезинформационное значение.

Когда я думаю о сегодняшних изменениях в нашей жизни, и невольно вспоминаю о том, что произошло с моей первой книгой рассказов. Эти послевоенные рассказы были написаны на не очень-то веселые для той поры темы, и в издательстве мне сказали: «Неплохо. Но давайте-ка, перестраивайте их!» Это было в пятидесятых годах. Тогда тоже ставили вопрос о перестройке, однако не сумели превратить ее в дело, ибо волюнтаристское отношение к экономике оказалось надругательством над ее смыслом. Мы должны сделать так, чтобы нынешняя перестройка развивалась в полном соответствии с экономическим и духовным соотношением и не повторила бы горькую судьбу предшествовавшей...

Возвращаясь к своим первым рассказам, напомним: они были напечатаны с так называемым американским счастьем

ливый концом («хэппи энд»), что, конечно, не соответствовало тогдашней жизни. Трудно приходится начинать талантливым, именно талантливым молодым литераторам и по сей день, ибо нередко допускаются искажающие смысл субъективные вольности и редакторские вмешательства в их рукописи, которые к тому же проходят невыносимо долгий крестный путь — пока дойдут до читателя. Талант, как всегда, опасен чиновнику от литературы.

Силой своего убеждения, если хотите, силой своего духа, любви и ненависти можно заронить добрые зерна в сознание людей. Литература познает человека через природу объективную и природу субъективную, через его поступки.

Невозможно научить быть талантливым — даже самый опытный педагог-художник не способен сделать этого. Впрочем, можно научить пустопорожнему философствованию, но нельзя научить философию, так же, как нельзя научить творить. Одному художнику — Сезанну — всегда не нравился другой художник — Энгр, и он говорил: посмотрите, как нежно, как трогательно написан источник, но он мертв, там нет жизни, это лишь изображение. То есть можно научиться строить фразу, описывать предметы, соорудить грамотно композицию, наконец, можно привить себе навык, как писать, скажем, портрет, диалог, пейзаж. Однако нельзя научить радости и трагедии, самой жизни, а в искусстве тому, что называется «чуть-чуть».

Герой может действовать, ходить, совершать поступки, дышать, страдать, улыбаться, но это будет мертвое изображение. Что же такое «чуть-чуть»? Как это ни парадоксально, «чуть-чуть» — это талант и вместе с тем вся жизнь художника. Возможно, конечно, сымитировать и заимствовать чужой стиль и даже чужое настроение. Но сымитировать невозможно биографию, опыт и, главное, душу писателя. Молодому писателю, чтобы стать писателем, надобно делать собственную биографию, не уходя от ударов жизни, не избегая острых ее углов, ибо все это воспитывает душу.

Художественное мастерство остается особым мастерством, и молодым писателям не следует во что бы то ни стало «продвигать» свои вещи на страницы газет и журналов. Ведь главное в судьбе художника не тщеславие, не место в литературе, а сама литература. Когда сейчас раздаются слишком громкие голоса некоторых молодых поэтов: «Сделайте нам рекламу, показывайте нас по телевидению!» — становится неловко от этой беззастенчивой требовательности, коей не обладали ни юный Лермонтов, ни Блок, ни Есенин. Разумеется, новые литературные дороги для новых талантов вряд ли во всех отношениях окажутся гладкими. Но так было всегда. Наважнейшее в том, что было резко сокращено время движения каждого из писателей к конечной цели, к выходу книги.

Что касается моей биографии, то вся она — это мои романы, это все, что я написал. Моя биография соткана из слов, если можно так сказать. Мои романы — это я и все боли и радости общности, в котором я живу. Самое непостижимое пространство лежит между реальностью и словом. Это пространство — мучения писателя, которые все-таки кончаются, когда завершится роман.

Существуют три категории в нашей жизни, великие и определяющие все: это политика, наука и искусство. Думаю, что судьба каждого из нас и всего человечества во многом зависит от влияния этих божеств — от силы практической и силы духовной.

Политика и наука призваны отвечать на вопросы действительности, а литература ставит вечные вопросы перед человеком, разгадывая его тайну за семью печатями, которую, к примеру, бессильна раскрыть наука. Достоевский занимается сейчас одно из ведущих мест по своему влиянию на умы людей, в то время как снобы зачисляют этого гения в разряд так называемый традиционный. Им необходима «р-революционность» в любом варианте. Всякий серьезный роман — это средство познания общества. Литература отвечает своему назначению, когда она критически изменяет отношение человека к действительности. Это я называю политической нравственностью. Не могу представить себе, чтобы в наше сложнейшее время главенствующую роль стал бы играть такой тип повествования, как роман, лишенный душевной боли, подменяющий страдания и радости человеческие мелкой игрой в сложности грустящего в осеннем парке мещанина.

Иные писатели интересны сейчас только исторически — с точки зрения стиля, ритма, метафоры и фразы, однако такие титаны, как Толстой, Достоевский, Бунин, Шолохов, Леонов, Булгаков, — современны на все времена в высшем понимании этого слова.

Главное: художественная истина лежит в умении писателя создать живую жизнь, ее трагизм, нелюбовь, радость, отчаяние, разные полюсы чувств, способных заставить или заплакать, или засмеяться. Эти противоположности определяют настоящее искусство, независимо от того, как теоретики, утопающие в формулах, назовут роман — традиционным или нетрадиционным.

Есть и другая изощреннейшая литература, которая «высказала» все метафоры и прилагательные, но она архаична, эфемерна, жалка, тщедушна, малокровна, потому что в ней нет человеческой боли. Какой смысл в бесполезной этой красоте? Для чего она? Для кого? Да, только та литература останется бессмертной, что говорит о человеке с любовью, горечью и со смехом.

Воздействует только та литература, которая рождается из гуаши конфликтов нашего грешного и бренного мира.